

В. В. Филатов**Формирование системы обучения руководящих колхозных кадров в уральском регионе в конце 1920-х — 1930-х годах**

Статья посвящена проблеме подготовки руководящих колхозных кадров на Урале в годы коллективизации. Исследование позволяет оценить возможности колхозных управленцев по своему уровню знаний осуществлять профессиональное и компетентное руководство сельскохозяйственным производством, людскими ресурсами. Выявлено, что в конце 1920-х и в 1930-х гг. в уральской деревне наблюдался низкий образовательный уровень населения. Большая часть управленцев не обладала достаточной подготовкой в руководстве колхозами. Формировавшаяся система подготовки и переподготовки управленческих кадров была несовершенной. Высокая текучесть колхозных руководителей, слабая общеобразовательная подготовка, значительный отсев курсантов не позволяли обеспечить колхозы квалифицированными кадрами управленцев.

Ключевые слова: колхоз, руководящие кадры, уральский регион, грамотность, обучение.

Исследование динамики грамотности руководителей колхозов, системы их подготовки и переподготовки, особенно в период массовой коллективизации, весьма актуально для исторической науки. Именно от этих людей многое зависело в подъеме сельскохозяйственного производства в тяжелейшие годы радикальных социалистических трансформаций, налаживания взаимодействия с властными структурами, обеспечения морально-психологического климата в коллективе. В исследовании предстоит выяснить формы и методы подготовки руководящего звена колхозов, качество обучения, что позволит сделать выводы о профессиональной пригодности колхозных кадров управлять производством и людьми. Научная новизна исследования заключается в том, что анализ проведен на основе, как правило, новых источников с привлечением сведений по уральскому региону в рамках будущего экономического района.

Историография данной проблемы не столь обширна, чтобы говорить о полноте изучения темы. В советский период наиболее плодотворно в этом направлении работали Ю. С. Борисов, М. А. Вылцан, Е. И. Ларькина [3, 4; 7; 40, 41]. Среди уральских историков следует отметить научные публикации А. В. Бакунина, Н. В. Ефременкова [1; 29]. В силу цензуры историкам не всегда удавалось раскрыть причины недостатков в организации этого важного дела, объективно проанализировать процессы, происходившие в селе. Поэтому назрела необходимость продолжить исследования предшественников.

На современном этапе проблемы грамотности сельского населения на Урале изучают некоторые историки региона. Г. Е. Корнилов в одной из своих публикаций основное внимание обращает на школьное образование в сельской местности, хотя и анализирует динамику повышения грамотности взрослых. Он сравнивает показатели грамотности селян на основе Всесоюзных переписей 1926 и 1939 гг. и справедливо замечает, что в 1920—1930-е гг. был осуществлен рывок в ликвидации неграмотности сельского населения Урала, обусловленный экономическими потребностями общества [38]. Обучение взрослого населения и уровень его грамотности в условиях массовой коллективизации и колхозной системы нашли отражение в материалах докторской диссертации М. В. Попова [49]. Отдельные аспекты повышения квалификации управленческих кадров колхозов уральского региона исследовались автором данной публикации [65; 68]. Над этой проблематикой работают ученые и других регионов. Так, монография М. Н. Глумной посвящена в том

© Филатов В. В., 2018

числе анализу образования и уровню специальной подготовки колхозных руководителей Европейского севера России [8].

Репрезентативность исследования обеспечивается значительными территориальными рамками, включающими территорию будущего Уральского экономического района. В настоящее время это территории Башкирии и Удмуртии, Пермского края, Свердловской, Челябинской, Курганской, Оренбургской и частично Тюменской и Омской областей.

Каждая из территориальных единиц региона имела свои особенности. В первую очередь это касается численности населения. Сопоставимые сведения Всесоюзных переписей 1926 и 1939 гг. показывают удельный вес численности населения каждой области и автономии в уральском регионе. Наибольшее количество жителей проживало в Башкирии — 2,5 млн. (1926 г.) и 3,2 млн. человек (1939 г.). Доля селян в этой республике также была самой высокой — 91 и 82,9% соответственно. В другой же автономии, Удмуртии, количество населения было наименьшим в регионе — 1 и 1,2 млн., но удельный вес сельских жителей был вторым после Башкирии — 87,5 и 73,7% соответственно. Сельское население преобладало и в Оренбургской области — 85,8 и 77,3% при численности всех жителей 1,5 и 1,7 млн. соответственно. Начавшаяся индустриализация привела к процессу урбанизации других местностей Урала. Доля селян за это время резко сократилась в Свердловской области — с 66,3 до 40,1% при значительном росте всего населения (1,6 и 2,5 млн.). В Челябинской области также существенно уменьшился удельный вес сельских жителей — с 83,5 до 57,8%, но численность всего населения поднялась не столь значительно (2,4 и 2,8 млн. человек). В Пермской области селян стало меньше — 81,8 и 60,4% при количестве всех жителей 1,7 и 2,1 млн. человек соответственно [5, с. 20, 78, 126, 210, 232, 288].

По отдельным важным производственным показателям можно судить об успехах и неудачах руководства колхозами. Следует учитывать, что показатели производства сельскохозяйственной продукции отдельных территорий региона ежегодно представляли разные величины. Для анализа использованы данные лишь 1939 г., поскольку они учитывали последние административно-территориальные изменения в уральском регионе 1930-х гг.

В колхозном производстве в конце 1930-х гг. по посевам зерновых в регионе первенствовала Башкирия (25,3% от всех посевов Урала). Незначительно отставали от нее Челябинская (23,8%) и Оренбургская (23,6%) области. Другие же территориальные субъекты региона значительно отставали: Пермская область (11,2%), Удмуртия (8,7%), Свердловская область (7,4%). Зерновые посевы Урала составляли 17,1% от всех посевов РСФСР.

Однако по валовому сбору хлебов на первом месте находилась Челябинская область (26,6%), на втором — Башкирия (24,4%). Остальные территории распределялись следующим образом: Пермская область (15,5%), Оренбургская область (12,4%), Свердловская область (10,7%), Удмуртия (10,4%). В РСФСР уральские сборы зерновых доходили до 14,9% от всех сборов колхозов республики [67, с. 157, 256]. Валовой сбор зависел от урожайности. Урожайность зерновых в колхозах в отдельных местностях региона составляла различные величины. Большой урон производству наносили в основном природные катаклизмы. Природно-климатические условия, кроме Зауралья и частично Южного Урала, были непригодны для подъема сельского хозяйства, тем более при высоких темпах и отсутствии необходимых предпосылок для коллективизации. Неблагоприятные погодные условия 1931—1933, 1936, 1939 гг. усугубляли положение уральской деревни, а колхозные руководители не делали все возможное для интенсификации земледелия, применения новых технологий.

Рассмотрим особенности развития колхозного животноводства. На первом этапе становления колхозов стадо формировалось за счет изъятия скота у зажиточных крестьян и включения скота новых колхозников. Часть поголовья появилась в связи с продажей совхозами, индивидуальными хозяйствами и другими организациями скота колхозам. Все это позволило в несколько раз поднять численность колхозного стада. При этом уральские темпы роста были намного выше, чем в других регионах страны. Во второй половине 1930-х гг. источники пополнения колхозов индивидуальным скотом были почти исчерпаны. Колхозы стали уделять больше внимания организации труда, улучшению условий содержания животных. На Урале происходило укрупнение колхозного стада, большая часть скота стала содержаться на товарных фермах, где, как правило, внедрялись новые технологии, целенаправленно велась селекционная работа. В 1939 г. по важнейшему виду скота — лошадям существенно опережали другие территории региона колхозы Башкирии (35,3% от всего поголовья Урала). Затем шли колхозы Челябинской области (15,8%), Пермской области (14,1%), Оренбургской области (13,6%), Удмуртии (11,1%) и Свердловской области (10,1%). Доля Урала в колхозном стаде лошадей РСФСР составляла 14%. По количеству колхозного крупного рогатого скота выделялась Челябинская область (27,3%). Удельный вес Башкирии составлял 20,2%, Оренбургской области — 17,1%, Пермской области — 15,2%, Свердловской области — 13,8%, Удмуртии — 6,3%. Доля уральского поголовья КРС в колхозном стаде РСФСР находилась на уровне 13,1%.

Хотя животноводство в колхозах демонстрировало положительную динамику, поголовье лошадей во всех видах хозяйств за 1927—1940 гг. в уральском регионе уменьшилось в 1,9 раза, КРС — в 1,4 раза, рабочих лошадей за 1928—1939 гг. — в 2,4 раза, коров за 1928—1940 гг. — в 1,4 раза [66, с. 149, 186, 198]. На большие непроизводительные потери, низкую продуктивность животноводства колхозов Урала определенное влияние оказывали недостаточная кормовая база, неудовлетворительное содержание скота, плохая организация труда, слабая профессиональная подготовка и высокая текучесть руководящих колхозных кадров.

Особенностью уральского региона являлся его многонациональный состав. В Уральской области проживало 90,2% русских, 2,9% татар, 2,2% пермяков (коми), 1,8% башкир. В Башкирии в начале первой пятилетки проживало башкир 26,2%, татар — 23,6%, русских — 36,2%. Поскольку большинство башкир были бедняками, то первые колхозы работали нерентабельно. В них чаще всего не хватало руководящих кадров коренной национальности. В середине 1920-х годов $\frac{3}{4}$ населения Оренбуржья составляли русские, 11% — украинцы, столько же — татары и 3% — казахи [2, с. 80; 64, с. 298; 46, л. 2—5]. Как признавали вышестоящие органы власти, национальные колхозы Уральской области и Оренбуржья в экономическом и культурном отношении были слабее [36; 45, л. 119].

Классовый подход в подборе руководящих кадров привел к тому, что в начале 1930-х гг. почти половина председателей колхозов Уральской области являлась бедняками и свыше трети — середняками. В Башкирии колхозных председателей-бедняков насчитывалось 62,2%, а середняков — 28% [34, с. 32; 77, л. 59]. К концу второй пятилетки в колхозах Свердловской области проявилась положительная тенденция: к управлению в основном пришли бывшие середняки (57,1%), а бедняков среди председателей стало значительно меньше (38,6%) [84, л. 82]. Крестьяне-середняки лучше показали себя в руководстве колхозным производством.

На эффективность системы управления большое влияние оказывала нестабильность руководящих кадров колхозов. В начале 1930-х гг. в Уральской области свыше половины колхозных руководителей работали в должности не более года. Примерно такое же положение с кадрами было и в Башкирии [50, с. 177; 33, с. 5; 80, л. 119—120]. В 1934 г. почти

треть руководящих кадров колхозов страны имела стаж работы менее года. На Урале этот показатель оказался выше. В Свердловской и Челябинской областях половина председателей колхозов работала до года [32, с. 301; 44, л. 59]. Это вызывалось частой сменой колхозных кадров в уральском регионе, большим, чем по стране, снятием с должностей по разным, чаще необоснованным причинам. Привлечение к судебной ответственности и снятие с должности председателей колхозов — не только чисто уральское явление. Так, в 1933 г. во время «чистки» колхозов в Западной Сибири было снято около $\frac{1}{4}$ председателей [28, с. 356]. К концу второй пятилетки текучесть кадров на Урале уменьшилась незначительно, и первый год работали в колхозах свыше 40% председателей, заведующих фермами, бригадиров, что мало отличалось от российских данных [37, с. 60—62, 65—66]. Такое положение обусловлено в первую очередь репрессиями. Имелись и другие особенности развития региона.

Важным показателем качественного состава руководящих колхозных кадров являлась их грамотность. Грамотность сельского населения Урала в возрасте 9—49 лет в 1926 г. была невысокой. По данным Всесоюзной переписи населения, на территории будущих областей и автономий по пересчету 1939 г. в Свердловской области она являлась самой большой в регионе (55,6%), несколько ниже — в Пермской области (55,5%), затем — в Челябинской области (48,1%), Оренбургской области (48%), Удмуртии (45,1%), Башкирии (42,3%) [5, с. 23, 81, 129, 183, 234, 291].

Низкая грамотность населения сказывалась и на степени образованности руководителей колхозов. В начале коллективизации не имели даже начального (низшего) образования каждый третий председатель колхоза, более половины членов правления, свыше 15% заведующих товарными фермами и бригадиров-полеводов, около 10% бригадиров-животноводов Урала. Не обучались по занимаемой должности более $\frac{1}{3}$ председателей, около $\frac{2}{3}$ членов правлений и почти половина заведующих фермами [26, л. 113; 33, с. 5, 16; 80, л. 119—120].

По данным НКЗ РСФСР, весной 1929 г. около 75% председателей колхозов должны были пройти курсы неграмотных. В начале 1930-х гг. 98% председателей колхозов Советского Союза имели начальное образование [30, с. 234; 40, с. 3; 41, с. 16].

По неполным данным, к концу первой пятилетки по стране 85,7% председателей колхозов имели низшее образование, 6,4% совершенно не знали грамоты, лишь 2,3% получили среднее образование. Примерно так же обстояли дела с другими руководящими колхозными кадрами. Только 4% заведующих товарными фермами и 1,8% бригадиров имели среднее образование [3, с. 141]. К исходу второй пятилетки в Свердловской области более половины председателей колхозов имели низшее образование, свыше трети из них окончили различные курсы.

В конце 1930-х гг. ситуация с грамотностью стала улучшаться. Однако, по сведениям Всесоюзной переписи населения 1939 г., среди председателей и заместителей председателей колхозов уральского региона лишь единицы имели высшее образование: в Башкирии — четыре, в Пермской области — два, в Челябинской области и Удмуртии — по одному, а в Свердловской и Оренбургской областях таковых вообще не было. Доля руководителей колхозов со средним образованием наиболее высокой была в Оренбургской области (1,6%). В Башкирии и Свердловской области она доходила до 1,3%, в Пермской области — до 1,0%, Удмуртии — до 0,6%, тогда как в Челябинской области отсутствовали председатели со средним образованием [5, с. 57, 109, 161, 211, 219, 265].

Подобное положение во многом определялось общей грамотностью сельских жителей. На основании сравнительных данных Всесоюзной переписи 1939 г. и переписи 1926 г. можно судить о существенных изменениях в грамотности селян. На первом ме-

сте по уровню образования в конце 1930-х гг. оказались сельские жители Оренбургской (85,9%), на втором месте — Свердловской области (85,8%). Остальные местности региона распределились следующим образом: грамотность селян Пермской области доходила до 85%, Челябинской области — до 84,8%, Башкирии — до 84,6%, Удмуртии — до 83,9% [5, с. 23, 81, 129, 183, 234, 291].

По переписи 1939 г. на тысячу сельских жителей лиц с высшим образованием насчитывалось не много. Лучшие показатели имели Пермская (1,4%) и Оренбургская (1,2%) области. Далее шли селяне Челябинской области (1,1%), Свердловской области (1%), Удмуртии и Башкирии (по 0,9%). По лицам, имевшим среднее образование, данные существенно выше: Пермская область — 30,6%, Свердловская область — 30,4%, Удмуртия — 30,3%, Оренбургская область — 29,8%, Челябинская область — 28,8%, Башкирия — 27,7%.

Сельское население уральского региона стремилось получить высшее и среднее специальное образование. Больше всего студентов вузов насчитывалось среди селян Башкирии (1902 человека), тогда как в Челябинской области — 1348, Пермской — 1313, Оренбургской — 1131, Свердловской — 1010 и Удмуртии — 610 человек. В техникумах и аналогичных учебных заведениях проходили подготовку сельские жители Башкирии (8299 человек), Челябинской области (5034), Оренбургской области (3348), Свердловской области (2457), Пермской области (2455), Удмуртии (2358) [5, с. 24, 82, 129—130, 183—184, 235—236, 291—292].

Колхозным руководителям крайне важно было иметь специальную подготовку. Как свидетельствует статистика, в начале 1930-х гг. в Советском Союзе 92,3% председателей колхозов, 77,4% бригадиров полеводов и животноводов, 65,9% заведующих товарными фермами не имели специальной подготовки. К началу второй пятилетки на Урале было на 7,1% меньше, чем в СССР, председателей колхозов, на 14% бригадиров, на 20,1% заведующих товарными фермами, не получивших специального образования. Однако это не свидетельствовало о благополучии в деле подготовки кадров. Сопоставление данных образовательного уровня в Уральской области конца первой пятилетки с данными Свердловской и Челябинской областей в 1937 г. показывает, что свыше трети председателей колхозов прошли специальную подготовку, превысив общесоюзные показатели (30,3%) и значительно перекрыв данные 1932 г. Среди бригадиров-полеводов соотношение получилось иным. За годы второй пятилетки в Свердловской области положение ухудшилось. Доля бригадиров-полеводов, имевших специальное образование, снизилась с 31,3 до 23%, что можно объяснить недостаточным вниманием к подготовке кадров и их высокой текучестью. В Челябинской области за 5 лет состояние с подготовленными бригадирами улучшилось не намного, но превышало союзные показатели (24,5% и 34,7%). Хуже, чем в Челябинской области, выглядели свердловчане и в подготовке бригадиров-животноводов.

Резкий спад доли подготовленных заведующих фермами по сравнению с концом первой пятилетки в Уральской области проявился в 1937 г. в Свердловской и Челябинской областях. Вместо 45,8% руководителей ферм, не имевших специального образования, в Свердловской области их стало 50,4%, а в Челябинской — 60,2% [3, с. 141; 7, с. 113; 31, с. 216; 33, с. 5; 80, л. 119—120; 45, л. 84]. И хотя эти показатели лучше, чем по стране в целом, ухудшение ситуации в деле обучения уральских животноводов во второй пятилетке непременно сказывалось на качестве работы. Несовершенство системы профессионального обучения, увеличение количества новых должностей в связи с открытием новых ферм, высокая текучесть кадров и другие причины привели к сокращению численности подготовленных заведующих фермами.

Ускоренная подготовка и переподготовка колхозных руководителей способствовала снижению качества обучения, тем более что особое внимание уделялось не специальным, сельскохозяйственным знаниям, навыкам управления, а общеобразовательным и общественно-политическим предметам. Не всегда было ясно, где организована подготовка, а где переподготовка кадров. Зачастую на переподготовку попадали колхозные руководители, впервые направленные на учебу.

Для выполнения намеченных планов была необходима громадная организаторская работа по созданию многочисленных учебных формирований различного уровня. Лозунг «кадры решают все» требовал больших усилий от местных организаций по изысканию возможностей в короткий срок, при небольших затратах подготовить высококвалифицированных руководящих работников колхозов. Вместо целенаправленной, тщательной подготовительной работы по обучению кадров приходилось решать эту проблему оперативно в условиях сплошной коллективизации.

Организация новых колхозов, высокая текучесть руководителей обусловили необходимость создания хорошо отлаженной системы непрерывного образования и учета кадров. Решения партийно-советских органов Урала предусматривали выработку единого плана подготовки и переподготовки руководства колхозов. Однако анализ документов того времени показывает, что эта работа велась на низком уровне, изучение потребности в повышении квалификации колхозных руководителей часто проводилось бессистемно. Обучением кадров занимались различные организации, и не всегда их действия были скоординированными.

В начале первой пятилетки потребность в подготовленных колхозных председателях и членах правления, председателях ревизионных комиссий определялась в Уральской области в 5,6 тыс., в Башкирии — в 1,3 тыс. человек. На будущий год — в два раза больше и на последующие годы пятилетки с увеличением еще на треть. По другим данным, в 1928 г. в Уральской области нужно было подготовить 4,4 тыс. руководителей колхозов, по иным планам — в три раза больше [16, л. 83 об.; 17, л. 29 об.; 52, л. 2 а; 74, л. 148; 75, л. 83].

В начале 1930-х гг. в стране требовались сотни тысяч подготовленных руководителей колхозов. В стационарных учебных заведениях должны были учиться 112 тыс. руководителей колхозов, около 300 тыс. бригадиров. На курсах и по заочной форме обучения предстояло подготовить сотни тысяч руководящих колхозных кадров [53, л. 5—8].

Плановые показатели в годы первой пятилетки различались не случайно. Система обучения только формировалась, и издержки были неизбежны, хотя при лучшей организации многих можно было избежать. Эти недочеты имели место не только в начале коллективизации, сбои в создаваемой системе обучения обнаруживались и в последующие годы. Нередко районные организации не имели плана подготовки колхозных кадров. Это видно на примере Алапаевского и Нагайбакского районов. На заседании президиума Уральского облисполкома в июне 1930 г. отмечалась бесплановость в обучении колхозных руководителей. Эти же недостатки указывались в докладной записке в ЦК ВКП(б) «О работе Колхозцентра СССР и РСФСР» [9, л. 64; 54, л. 2; 78, л. 5; 87, л. 35]. При всех имевшихся упущениях тысячи руководящих кадров колхозов получили образование через различные учебные формирования.

В начале 1930-х гг. в Уральской области действовало шесть колхозных институтов, в которых обучалось около 1,3 тыс. человек. Эти учебные заведения представляли собой что-то среднее между техникумом и курсовой подготовкой. Более половины курсантов были из бедняков, каждый четвертый — из середняков. Каждый второй слушатель являлся членом партии. Национальные меньшинства были представлены всего 1,5% студен-

тов. В 1932/33 учебном году действовали десять колхозных институтов, в том числе два так называемых нацменовских. В них обучались 1,5 тыс. человек. Социальный состав курсантов по сравнению с предыдущими годами изменился незначительно. Позже осталось семь институтов, поскольку три были реорганизованы в техникумы [19, л. 162 об.; 27, л. 55; 35, с. 84; 76, л. 97].

На первых порах в колхозных институтах не доставало преподавательских кадров. Вместо 80 преподавателей в 1930 г. была всего половина, большую часть из которых составляли преподаватели специальных дисциплин [23, л. 54 об.—55 об.]. В дальнейшем положение с педагогическими кадрами несколько стабилизировалось, однако наметилась тенденция уменьшения преподавателей с высшим образованием, что, безусловно, отражалось на качестве подготовки колхозных кадров.

За время работы институтов происходили и структурные изменения в преподавании учебных дисциплин. В институте изучались: политэкономия с основами теории советского хозяйства, история партии, ленинизм, общеобразовательные предметы, агротехника, теория и практика колхозного строительства, учет и отчетность и другие дисциплины. Если в 1930/31 учебном году на обществоведческие предметы приходилось 17,5% учебного времени, то в 1932/33 учебном году — 31%, на изучение специально-технических дисциплин — 36,3 и 39,4%, общеобразовательных — 16,3 и 24,6% соответственно [23, л. 64 об., 85; 76, л. 99—100]. Увеличение учебных часов произошло за счет их сокращения по организационно-экономическим дисциплинам, что вряд ли было разумным решением, поскольку и без того будущему руководителю не доставало знаний по экономике.

Отсев студентов институтов был высоким (до 13—16%). Его причинами были материальная необеспеченность нетрудоспособных членов семьи обучающихся, низкая успеваемость вследствие слабой общеобразовательной подготовки, перебои с питанием, признание «классово чуждыми элементами», досрочный отзыв в колхозы и т.д. Если в 1930/31 учебном году из институтов выбыло 500 человек, то в 1932/33 — 670 [19, л. 168; 23, л. 57, 95; 81, л. 163].

Студентов активно привлекали к участию в сельскохозяйственных кампаниях. С их помощью также ликвидировали агротехническую неграмотность колхозников [23, л. 56, 86, 93]. В 1931 г. 40% выпускников колхозных институтов направили в районные организации, а в 1933 г. — только четвертую часть. Большинство получили распределение в колхозы [22, л. 36]. За 1931—1933 гг. колхозные институты Урала выпустили 1,9 тыс. руководящих работников колхозов [23, л. 34—35 об.; 76, л. 69].

Совещание при секторе кадров НКЗ СССР 25 февраля 1931 г. рекомендовало распространить опыт Краснополянского колхозного института Уральской области [76, л. 44]. Если при всех отмеченных недостатках уральские колхозные институты заслуживали такой оценки, то что говорить о других учебных формированиях, порой создававших только видимость учебы.

Пополнению кадров уральских колхозов способствовала открывшаяся в 1930 г. при Пермском сельхозинституте одногодичная высшая областная колхозная школа (ВОКШ). По плану в 1930/31 учебном году в ней должны были обучаться 250 человек, а было принято 400. 70% учебного времени отводилось изучению теории организации и планирования колхозного производства и практическим занятиям, остальные 30% времени поровну распределялись между общественно-политическими и общеобразовательными дисциплинами [11, л. 538; 29, с. 347; 51, л. 126; 54, л. 11].

Решением Уральского облисполкома (сентябрь 1929 г.) открылась Курганская областная школа руководителей колхозов, а затем стала действовать и Ирбитская школа [10, л. 614; 70, л. 186]. Учебные планы Курганской школы предусматривали четверть времени

на изучение экономической географии, политэкономии, экономической политики, истории ВКП(б), ленинизма, государственного строительства, аграрного и колхозного законодательства, военной подготовки. 12% учебных часов выделялось на изучение родного языка, математики, естествознания. 42,5% учебного времени приходилось на организационно-технические дисциплины, третья часть — на прохождение производственной практики. Как видно, учебные программы не давали достаточных знаний по специальным сельскохозяйственным дисциплинам, управлению колхозным производством.

В годы второй пятилетки на Урале действовали областные школы председателей колхозов. Одной из лучших являлась Сысертская школа. Здесь была создана хорошая материальная база обучения, оборудованы кабинеты, в достаточном количестве имелись учебные пособия, все курсанты жили в общежитиях. Студенты получали стипендию по трем категориям в зависимости от успеваемости. К сторублевой стипендии студентам первой категории (отличникам) добавлялось 0,75 трудодня, второй — 0,6, третьей — 0,5. В школе успешно работало педагогическое совещание, учебный план выполнялся с небольшими отклонениями [84, л. 98—100, 102, 110].

Но были и противоположные примеры. Бузулукская школа не располагала учебным зданием и общежитием, не хватало учебных пособий. Педагогический состав был недостаточно опытен. Большинство курсантов имели трехлетнее образование. В ходе учебы отсеивалось до половины обучавшихся. Общеобразовательным дисциплинам отводилась почти половина учебного времени [47, л. 2—3, 27, 49—51]. По сути, эти учебные формирования в основном ликвидировали безграмотность.

Подготовкой руководящих колхозных кадров занимались реорганизованные Челябинская, Тюменская и Сарапульская советско-партийные школы, практическая академия по колхозному строительству, Высшие коммунистические сельскохозяйственные школы (ВКСХШ). Руководителей уральских колхозов посылали на учебу и во Всесоюзную высшую колхозную школу [56; 71, л. 309].

Важную роль в подготовке кадров для колхозов играли районные колхозные школы (РКШ), которые появились во второй половине 1931 г. Вначале срок обучения в них составлял 3—4 месяца, позднее — до 6 месяцев. Как правило, школы имели три отделения: руководителей колхозов, заведующих товарными фермами и счетоводов, а в 1934 г. создали отделение для подготовки бригадиров. Много недостатков было связано с ускоренным созданием новых школ без учета реальных возможностей. Если в 1934 г. в Свердловской области было 23 РКШ с 2,8 тыс. учащихся, то в 1935 г. стало уже 56 школ, затем вновь произошло снижение их количества.

В середине 1930-х гг. общежития и учебные помещения имели только каждая третья школа, а каждая пятая — более или менее нормальную учебную базу. В 11% РКШ не было столовых, и обучавшиеся питались продуктами, привозимыми из дома, баня и медицинское обслуживание имелись лишь в каждой четвертой школе. Те же недостатки наблюдались и в 47 РКШ Челябинской области. Большинство школ уральского региона не располагали нормальной учебной базой [23, л. 4—5; 83, л. 11; 84, л. 6, 13—14].

Свои особенности имели национальные РКШ. Уровень обучения в них был на порядок ниже, чем в обычных школах. Это отмечалось в Коми-Пермяцком округе, где некоторые учащиеся впервые узнали о существовании советской власти. Недостаточно времени уделялось изучению родного и русского языков. Учащиеся переписывали материал из учебника, а затем прорабатывали содержание вместе с преподавателем [25, л. 192—193].

Основные затруднения вызывались недостатком средств на содержание школ. Ассигнования из областного бюджета были незначительными. В 1933/34 учебном году на РКШ Свердловской области выделялось всего 36 тыс. руб. В этой же области в 1936 г.

школам предоставили средства на обучение 4,7 тыс. курсантов, хотя фактически училось 14,4 тыс. человек. Две трети расходов незаконно обязывали оплачивать колхозы, не считая взимания с них денег на питание курсантов. Оплата за обучение тяжелым бременем ложилась на еще не окрепшие колхозы, и не все они могли вовремя рассчитаться с РКШ [14, л. 97; 23, л. 2; 24, л. 79; 25, л. 15; 43, л. 10; 84, л. 8, 16; 86, л. 10 об.].

В целом создание районных колхозных школ оказало положительное влияние на подготовку десятков тысяч руководящих колхозных кадров. Только за 1933—1936 гг. в РКШ Свердловской области было обучено 3,2 тыс. председателей колхозов [85, л. 144]. Однако ускоренная коллективизация не позволяла готовить хороших специалистов-управленцев. Отсутствие нормальных условий для учебы, быта и отдыха, содержание учебных дисциплин сказывались на качестве обучения.

В начале 1930-х гг. часть руководящих кадров колхозов обучалась в двух колхозных университетах. Под громким названием скрывались постоянно действующие сельскохозяйственные курсы, отличавшиеся от обычных курсов более совершенными программами, системой руководства и планоностью в работе. В них на общеобразовательные дисциплины отводилось 28% учебного времени, столько же — на общественно-политические, а остальное время — на специальные предметы. На первом курсе изучались в основном общеобразовательные дисциплины. Для слабо подготовленных поступающих создавались подготовительные курсы [55, л. 2, 10 об., 14—15, 17—18, 20, 37; 73, л. 35].

На подготовку руководящих кадров колхозов было направлено и курсовое обучение. Безусловно, краткосрочность учебы отрицательно влияла на уровень знаний выпускников. Однако для заполнения вакансий руководящих должностей требовалось открытие курсов — наиболее массовых форм учебы. Колхозным управленцам были необходимы элементарные знания. В определенной степени получение знаний проходило и на курсах. Более половины обучавшихся на курсах в Уральской области в начале первой пятилетки составляли бедняки, $\frac{1}{5}$ — середняки и примерно столько же — батраки. 6,3% курсантов являлись рабочими [3, с. 31; 75, л. 9 об.]. За 1930—1931 гг. на краткосрочных курсах Уральской области было подготовлено более 200 тыс. руководящих колхозных работников, полеводов, механиков и трактористов [48, с. 122].

Особое внимание обращалось на обучение рабочих, направленных в колхозы. Программа двухнедельных курсов для 25-тысячников была рассчитана на 96 часов. Почти половина учебного времени отводилась на проработку решений XVI съезда партии и других общественно-политических вопросов, тогда как необходимые для колхозных руководителей проблемы организации и оплаты труда, распределения доходов, методы составления рабочих и производственных планов занимали 23% времени [17, л. 28]. Это свидетельствовало, что управленческие проблемы почти не находили отражения при обучении 25-тысячников.

Анализ учебного плана 1,5-месячных курсов по переподготовке руководящих кадров колхозов показывает, что вопросам организации хозяйства колхоза отводилась половина учебного времени, организации и практике колхозного строительства — треть часов, общественно-политическим дисциплинам — 16%. Несколько иначе выглядела учебная программа 5-месячных курсов: почти четверть времени приходилось на общеобразовательные предметы, столько же — на изучение агротехники, а остальное время — на дисциплины по сельскому хозяйству [15, л. 28—30, 45; 42, л. 161—162; 72, л. 161—162].

Для работы на курсах не хватало преподавателей. В основном учебная нагрузка падала на агрономов, которые по 10—12 часов в день были заняты на сельскохозяйственных кампаниях, после чего им приходилось проводить занятия. Отдельные педагоги работали на курсах ежедневно по 9 часов. Все это отражалось на качестве обучения. Не являясь

профессиональными педагогами, многие совместители методически неверно строили занятия, а переподготовка их не была организована [18, л. 15; 20, л. 18; 21, л. 14 об.; 75, л. 92 об.; 80, л. 110].

В отделе кадров областного земельного управления отсутствовало планирование курсовых мероприятий. Часто не было известно, где будут проходить курсы, по каким программам, кто будет преподавать. Иногда курсы назначались в тех местах, где не было условий для занятий, или же учеба проходила в период сельскохозяйственных кампаний [12, л. 152 об.; 57; 58; 59; 89, л. 37; 90].

Использование выпускников курсов показало, что не всегда им находилась работа по специальности, четкий учет подготовленных кадров не проводился. Полученных знаний было явно недостаточно для эффективного управления колхозами [13, л. 34; 80, л. 110; 88, л. 149]. Но при всех недостатках курсы позволяли обучить руководящие кадры, давали минимальные сельскохозяйственные знания.

Некоторые руководители колхозов занимались самообразованием, ликвидируя неграмотность и пополняя свои сельскохозяйственные знания. Так обучался, например, председатель колхоза им. Свердлова Сарапульского района Тепляков, а председатель колхоза имени 14-й годовщины Октября Попов овладевал агротехникой с помощью доцента Пермского сельхозинститута. Но таких примеров было немного [39; 60—63].

За 1928—1938 гг. по стране было подготовлено 350 тыс. председателей колхозов, 2,3 млн. бригадиров-полеводов, около 880 тыс. бригадиров-животноводов и заведующих колхозными фермами [3, с. 170]. Повышение квалификации решало и еще одну немаловажную задачу — роста грамотности сельского населения.

Слабая общеобразовательная и специальная подготовка находила отражение в стиле и методах управления колхозами. Как показывала практика уральских колхозов, в производственном процессе часто отсутствовало планирование. Нередко бригады были громоздкими — из колхозников 50—60 дворов и плохо управляемыми. В некоторых колхозах рабочая сила была задействована на 30—70%. Руководители не всегда умело расставляли рабочую силу, технику, рабочий скот, плохо распределяли и контролировали выполнение заданий. Неудовлетворительно осуществлялись учет трудодней, контроль качества проведенных работ [6, с. 21, 50; 69, л. 17; 79, л. 36—37; 82, л. 71 об.]. Районные организации и сельсоветы постоянно вмешивались в дела колхозов, игнорировали решения колхозных собраний и руководителей колхозов.

Итак, за годы ускоренной коллективизации в уральском регионе проводилась широкомасштабная подготовка руководящих колхозных кадров. Формировавшаяся система обучения не отвечала требованиям того времени. Социалистические преобразования в деревне предполагали управленцев нового типа. Задача была архисложная. Низкий общеобразовательный уровень сельского населения оказывал влияние на созданную систему обучения. Неполные и противоречивые данные по Уралу не дают точных, достоверных сведений по подготовленным колхозным руководителям в различных формах образования, но за рассматриваемый период десятки тысяч человек прошли обучение, пополнив свои знания в ВКСХШ, ВОКШ, колхозных университетах и институтах, РКШ и на курсах. При всех положительных сдвигах в подготовке руководящих кадров для села все же большинство их не знало азов агрозоотехники. Получив удостоверение об окончании РКШ, курсов, не каждый выпускник становился хорошим специалистом-управленцем. В подготовке колхозных кадров преобладала стихийность, отсутствовала системность в обучении. Значительная часть учебного времени отводилась на общеобразовательную и политическую подготовку. Невысокое качество проводимых занятий не давало полноценных знаний по руководству колхозами. Имелись недостатки в организации учебного

процесса и быта курсантов. Эти и другие причины не позволяли подготовить для уральских колхозов руководителей-профессионалов.

Контрольные цифры обучения руководителей следовало выполнять. Проявлять собственную инициативу в повышении образовательного уровня в условиях высокой загрузки руководителей при неудовлетворительной научной организации труда решались немногие. Это был не протест против нововведений советской власти, которые они, как правило, всецело поддерживали, а учет реалий колхозной жизни и собственных возможностей.

Установка центра предусматривала при назначении на должность классовый подход, безоговорочное следование аграрной политике партии вплоть до применения карательных мер к несогласным. Поскольку к руководству колхозным производством пришли в основном малограмотные бедняки и батраки, то в первую очередь требовалось в кратчайшие сроки ликвидировать неграмотность, а затем проводить специальную подготовку и обучение основам управления. Другое дело, что при высочайшей текучести руководящих колхозных кадров решить данную проблему было просто нереально. В условиях социальной напряженности новые руководители, в большинстве своем неспособные управлять людьми, подолгу не задерживались на порученном участке работы.

Не каждому человеку дано умело управлять коллективом, даже имея некоторые профессиональные знания. Новая организация труда и распределения в колхозе, которые часто являлись несовершенными и создавались путем проб и ошибок, причем командно-приказным методом по всей вертикали власти, требовали управленцев, умевших оперативно реагировать лишь на указания сверху. Жизнь показала, что большинство и назначенцев, и руководителей, избранных самими колхозниками, не могли успешно решать колхозные проблемы.

Список использованных источников и литературы

1. Бакунин А. В. Подготовка сельскохозяйственных кадров на Урале в годы второй пятилетки // Вопросы истории Урала : сб. статей. Свердловск, 1966. Вып. 1. С. 127—141.
2. Бикбаев Р. А. К изучению исторического опыта КПСС по социалистическому преобразованию сельского хозяйства в автономных республиках РСФСР // Руководство Коммунистической партией строительством социализма в Башкирии (1917—1937 гг.) : межвуз. сб. науч. тр. Уфа : БГПИ, 1985. С. 79—86.
3. Борисов Ю. С. Подготовка производственных кадров сельского хозяйства СССР в реконструктивный период. М. : АН СССР, 1960. 288 с.
4. Борисов Ю. С. Производственные кадры деревни, 1917—1941. Цивилизованные хозяйственники или «винтики» государственной машины? М. : Наука, 1991. 227 с.
5. Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года. Уральский регион : сб. материалов / сост. В. П. Мотревич. Екатеринбург : Изд-во Урал. гуманитарного ун-та, 2002. 372 с.
6. Всесоюзное совещание по организации труда и массовой работе в бригаде и в колхозе. М., 1932. 72 с.
7. Вылцан М. А. Завершающий этап создания колхозного строя (1935—1937 гг.). М. : Наука, 1978. 263 с.
8. Глумная М. Н. Становление и развитие управленческого аппарата колхозов Европейского севера России (конец 1920-х — 1930-е гг.). Вологда : Легия, 2011. 293 с.
9. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 88. Оп. 1. Д. 2102.
10. ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 2109.
11. ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 2652.
12. ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 3124.
13. ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 4167.
14. ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 4206.
15. ГАСО. Ф. 239. Оп. 2. Д. 467.
16. ГАСО. Ф. 239. Оп. 2. Д. 495.
17. ГАСО. Ф. 239. Оп. 2. Д. 523.
18. ГАСО. Ф. 239. Оп. 2. Д. 525.
19. ГАСО. Ф. 239. Оп. 2. Д. 564.

20. ГАСО. Ф. 239. Оп. 2. Д. 568.
21. ГАСО. Ф. 239. Оп. 2. Д. 720.
22. ГАСО. Ф. 922. Оп. 1. Д. 43.
23. ГАСО. Ф. 1824. Оп. 1. Д. 10.
24. ГАСО. Ф. 1824. Оп. 1. Д. 20.
25. ГАСО. Ф. 1824. Оп. 1. Д. 109.
26. ГАСО. Ф. 1824. Оп. 3. Д. 755.
27. ГАСО. Ф. 1824. Оп. 3. Д. 756.
28. Гушин Н. Я. Сибирская деревня на пути к социализму. Новосибирск : Наука, 1973. 518 с.
29. Ефременков Н. В. Некоторые вопросы подготовки кадров для колхозов Урала (1930—1932) // Вопросы истории Урала : материалы 2-й научной сессии Уральской зоны в г. Перми. Ученые записки Пермского университета. Пермь, 1966. № 158. С. 344—351.
30. Изменение социальной структуры советского общества (1921 — середина 30-х годов) / В. М. Селунская, Ю. С. Кукушкин, А. М. Панфилова [и др.] ; редкол. : В. М. Селунская (отв. ред.), В. З. Дробижев, Ю. С. Кукушкин [и др.]. М. : Мысль, 1979. 343 с.
31. История коллективизации сельского хозяйства Урала (1927—1932 гг.) : сб. документов и материалов. Пермь : Пермское кн. изд-во, 1983. 222 с.
32. История советского крестьянства. Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства. Конец 1927 — 1937 гг. Т. 2. М. : Наука, 1986. 448 с.
33. Кадры Урала за первую пятилетку. Основные статистические показатели в диаграммах. Материалы к III пленуму обкома ВКП(б). Свердловск : Уралплан, 1933. 16 с.
34. Колхозное строительство Башкирии за 1931 год : [материалы к XV областной партконференции]. Уфа : Издание Башколхозсоюза, 1932. 62 с.
35. Колхозное строительство на Урале (1928—30 гг.) / Уралколхозсоюз. Челябинск ; Свердловск : Челябинполиграф, 1931. 144 с.
36. Колхозный путь. 1932. 1 нояб.
37. Колхозы во второй Сталинской пятилетке : стат. сб. М. ; Л. : Госпланиздат, 1939. 144 с.
38. Корнилов Г. Е. Индекс грамотности сельского населения Урала в 1897—1939 гг. // Историко-педагогические чтения. 2015. № 19—1. С. 28—41.
39. Крестьянская газета. 1936. 30 июня.
40. Ларькина Е. И. Организаторская работа Коммунистической партии по созданию руководящих колхозных кадров в годы сплошной коллективизации. Петропавловск, 1957. 59 с.
41. Ларькина Е. И. Подготовка колхозных кадров в период массовой коллективизации. М. : Соцэкгиз, 1960. 167 с.
42. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. П-288. Оп. 1. Д. 442.
43. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 1. Д. 795.
44. ОГАЧО. Ф. 1379. Оп. 4. Д. 70.
45. Оренбургский государственный архив социально-политической истории (ОГАСПИ). Ф. 4. Оп. 1. Д. 193.
46. ОГАСПИ. Ф. 371. Оп. 1. Д. 145.
47. ОГАСПИ. Ф. 371. Оп. 3. Д. 392.
48. Очерки истории коммунистических организаций Урала (1921—1973 гг.). Т. 2. Свердловск : Ср.-Урал. кн. изд-во, 1974. 423 с.
49. Попов М. В. Культура и быт крестьян Урала в 1920—1941 годах : дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 1997. 424 с.
50. 15 лет Советской Башкирии : сб. статей. Уфа : Правительство Башкирской АССР, 1934. 283 с.
51. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 69. Д. 668.
52. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7446. Оп. 11. Д. 6.
53. РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 11. Д. 40.
54. РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 11. Д. 43.
55. РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 11. Д. 96.
56. Уральский рабочий. 1929. 7 сент.
57. Уральский рабочий. 1930. 16 февр.

58. Уральский рабочий. 1932. 2 июля.
59. Уральский рабочий. 1933. 15 марта.
60. Уральский рабочий. 1933. 7 нояб.
61. Уральский рабочий. 1935. 11 апр.
62. Уральский рабочий. 1936. 2 февр.
63. Уральский рабочий. 1936. 5 апр.
64. Уральское хозяйство в цифрах, 1931—1932 гг.: [краткий статистический справочник]. Свердловск : Издание УралУНХУ, 1933. 388 с.
65. Филатов В. В. Сельскохозяйственное производство на Урале в конце 1920-х — начале 1940-х гг. : дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2007. 537 с.
66. Филатов В. В. Уральское село, 1927—1941 гг.: динамика и темпы развития животноводства. Магнитогорск : ГОУ ВПО «МГТУ», 2006. 264 с.
67. Филатов В. В. Уральское село, 1927—1941 гг.: динамика и темпы развития земледелия. Магнитогорск : ГОУ ВПО «МГТУ», 2006. 260 с.
68. Филатов В. В. Формирование системы управления колхозами на Урале (конец 20-х — 30-е гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1992. 327 с.
69. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 6. Д. 275.
70. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 24.
71. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 213.
72. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 31.
73. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 367.
74. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 503.
75. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 561.
76. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 908.
77. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 953.
78. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 954.
79. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 225.
80. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 970.
81. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 972.
82. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 43.
83. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 222.
84. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 476.
85. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 975.
86. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 45.
87. ЦДООСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 347.
88. ЦДООСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 607.
89. ЦДООСО. Ф. 424. Оп. 1. Д. 1008.
90. Челябинский рабочий. 1936. 27 окт.

Поступила в редакцию 18.06.2018

Филатов Владимир Викторович, доктор исторических наук, доцент
 Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова
 Российская Федерация, 455000, г. Магнитогорск, пр-т Ленина, 38
 E-mail: v.philatov@mail.ru

UDC 94(470.5)“192/193”

V. V. Filatov

Formation of the training system for executive personnel of collective farms in the Ural region in the late 1920s — 1930s

The article is devoted to the problem of training senior collective farm executives in the Urals during the years of collectivization. The study makes it possible to assess the possibilities of collective farm managers in terms of their level of knowledge to carry out professional and competent management of agricultural production, human resources. It was revealed that in the late 1920's and 1930's the Ural village experienced a low educational level of the population. Most of the senior executives did not have sufficient training in the management of the collective farms. The system of training and retraining of managerial staff was not perfect. High turnover of collective farm managers, weak general education, considerable drop-out of cadets did not allow to provide collective farms with qualified managerial personnel.

Key words: collective farm, executive personnel, Ural region, literacy, training.

Filatov Vladimir Viktorovich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
Nosov Magnitogorsk State Technical University
Russian Federation, 455000, Magnitogorsk, pr-t Lenina, 38
E-mail: v.philatov@mail.ru

References

1. Bakunin A. V. Podgotovka sel'skokhozyaistvennykh kadrov na Urale v gody vtoroi pyatiletki [Training of agricultural personnel in the Urals during the Second Five-Year Plan]. *Voprosy istorii Urala: sbornik statei* [Questions of the history of the Urals: a collection of articles]. Sverdlovsk, 1966, is. 1, pp. 127—141. (In Russian)
2. Bikbaev R. A. K izucheniyu istoricheskogo opyta KPSS po sotsialisticheskomu preobrazovaniyu sel'skogo khozyaistva v avtonomnykh respublikakh RSFSR [To study the historical experience of the CPSU on the socialist transformation of agriculture in the autonomous republics of the RSFSR]. *Rukovodstvo Kommunisticheskoi partiei stroitel'stvom sotsializma v Bashkirii (1917—1937 gg.): mezhvuz. sbornik nauch. trudov* [The leadership of the Communist Party by the building of socialism in Bashkiria (1917—1937): Interuniversity collection of scientific works]. Ufa, BGPI Publ., 1985, pp. 79—86. (In Russian)
3. Borisov Yu. S. *Podgotovka proizvodstvennykh kadrov sel'skogo khozyaistva SSSR v rekonstruktivnyi period* [Preparation of production personnel for agriculture in the USSR during the reconstructive period]. Moscow, AN SSSR Publ., 1960. 288 p. (In Russian)
4. Borisov Yu. S. *Proizvodstvennye kadry derevni, 1917—1941. Tsivilizovannyye khozyaistvenniki ili "vintiki" gosudarstvennoi mashiny?* [Production personnel of the village, 1917—1941. Civilized business executives or "cogs" of the state machine?]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 227 p. (In Russian)
5. *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya SSSR 1939 goda. Ural'skii region: sbornik materialov* [All-Union Census of the USSR in 1939. Ural region: a collection of materials]. Yekaterinburg, Ural. gumanitarnii un-t Publ., 2002. 372 p. (In Russian)
6. *Vsesoyuznoe soveshchanie po organizatsii truda i massovoi rabote v brigade i v kolkhoze* [All-Union Conference on the Organization of Labor and Mass Work in the Brigade and on the Collective Farm]. Moscow, 1932. 72 p. (In Russian)
7. Vylytsan M. A. *Zavershayushchii etap sozdaniya kolkhoznogo stroya (1935—1937 gg.)* [The final stage of the creation of the collective farm system (1935—1937)]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 263 p. (In Russian)
8. Glumnaya M. N. *Stanovlenie i razvitie upravlencheskogo apparata kolkhozov Evropeiskogo severa Rossii (konets 1920-kh — 1930-e gg.)* [Formation and development of the administrative apparatus of the collective farms of the European North of Russia (late 1920s—1930s)]. Vologda, Legiya Publ., 2011. 293 p. (In Russian)
9. *Gosudarstvennyi arkhiv Sverdlovskoi oblasti* [State Archive of the Sverdlovsk Region] (GASO). F. 88. Op. 1. D. 2102.
10. GASO. F. 88. Op. 1. D. 2109.
11. GASO. F. 88. Op. 1. D. 2652.

12. GASO. F. 88. Op. 1. D. 3124.
13. GASO. F. 88. Op. 1. D. 4167.
14. GASO. F. 88. Op. 1. D. 4206.
15. GASO. F. 239. Op. 2. D. 467.
16. GASO. F. 239. Op. 2. D. 495.
17. GASO. F. 239. Op. 2. D. 523.
18. GASO. F. 239. Op. 2. D. 525.
19. GASO. F. 239. Op. 2. D. 564.
20. GASO. F. 239. Op. 2. D. 568.
21. GASO. F. 239. Op. 2. D. 720.
22. GASO. F. 922. Op. 1. D. 43.
23. GASO. F. 1824. Op. 1. D. 10.
24. GASO. F. 1824. Op. 1. D. 20.
25. GASO. F. 1824. Op. 1. D. 109.
26. GASO. F. 1824. Op. 3. D. 755.
27. GASO. F. 1824. Op. 3. D. 756.
28. Gushchin N. Ya. *Sibirskaya derevnya na puti k sotsializmu* [Siberian village on the road to socialism]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1973. 518 p. (In Russian)
29. Efremkov N. V. Nekotorye voprosy podgotovki kadrov dlya kolkhozov Urala (1930—1932) [Some questions of training personnel for the collective farms of the Urals (1930—1932)]. *Voprosy istorii Urala: materialy 2-i nauchnoi sessii Ural'skoi zony v g. Permi. Uchenye zapiski Permskogo universiteta* [Questions of the history of the Urals: materials of the 2nd scientific session of the Ural zone in Perm. Scientific notes of Perm University]. Perm', 1966, no. 158, pp. 344—351. (In Russian)
30. Selunskaya V. M., Kukushkin Yu. S., Panfilova A. M. [i dr.]. *Izmenenie sotsial'noi struktury sovetskogo obshchestva (1921 — seredina 30-kh godov)* [The change in the social structure of Soviet society (1921 — mid-30-ies)]. Moscow, Mysl' Publ., 1979. 343 p. (In Russian)
31. *Istoriya kollektivizatsii sel'skogo khozyaistva Urala (1927—1932 gg.): sb. dokumentov i materialov* [The history of the collectivization of agriculture in the Urals (1927—1932): a collection of documents and materials]. Perm', Permskoe kn. izd-vo Publ., 1983. 222 p. (In Russian)
32. *Istoriya sovetskogo krest'yanstva. Sovetskoe krest'yanstvo v period sotsialisticheskoi rekonstruktsii narodnogo khozyaistva. Konets 1927 — 1937 gg.* [History of the Soviet peasantry. The Soviet peasantry in the period of the socialist reconstruction of the national economy. The end of 1927 — 1937]. Vol. 2. Moscow, Nauka Publ., 1986. 448 p. (In Russian)
33. *Kadry Urala za pervuyu pyatiletku. Osnovnye statisticheskie pokazateli v diagrammakh. Materialy k III plenumu obkoma VKP(b)* [Personnel of the Urals for the first five-year plan. The main statistical indicators in the diagrams. Materials for the Third Plenum of the Regional Committee of the CPSU(b)]. Sverdlovsk, Uralplan Publ., 1933. 16 p. (In Russian)
34. *Kolkhoznoe stroitel'stvo Bashkirii za 1931 god (materialy k XV oblastnoi partkonferentsii)* [Collective farm construction of Bashkiria for 1931: (materials for the XV regional party conference)]. Ufa, Bashkolkhozsoyuz Publ., 1932. 62 p. (In Russian)
35. *Kolkhoznoe stroitel'stvo na Urale (1928—30 gg.)* [Collective farm construction in the Urals (1928—30)]. Chelyabinsk, Sverdlovsk, Chelyabinskopoligraf Publ., 1931. 144 p. (In Russian)
36. *Kolkhoznyi put'*, 1932, November 1.
37. *Kolkhozy vo vtoroi Stalinskoj pyatiletke: stat. sb.* [Collective farms in the second Stalin five-year period: stat. collection]. Moscow, Leningrad, Gosplanizdat Publ., 1939. 144 p. (In Russian)
38. Kornilov G. E. Indeks gramotnosti sel'skogo naseleniya Urala v 1897—1939 gg. [The literacy index of the rural population of the Urals in 1897—1939]. *Istoriiko-pedagogicheskie chteniya*, 2015, no. 19-1, pp. 28—41. (In Russian)
39. *Krest'yanskaya gazeta*, 1936. June 30.
40. Lar'kina E. I. *Organizatorskaya rabota Kommunisticheskoi partii po sozdaniyu rukovodyashchikh kolkhoznykh kadrov v gody sploshnoi kollektivizatsii* [Organizational work of the Communist Party on the creation of leading collective farm workers in the years of complete collectivization]. Petropavlovsk, 1957. 59 p. (In Russian)
41. Lar'kina E. I. *Podgotovka kolkhoznykh kadrov v period massovoi kollektivizatsii* [Preparing collective farms in the period of mass collectivization]. Moscow, Sotsekgiz Publ., 1960. 167 p. (In Russian)
42. *Ob'edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Chelyabinskoi oblasti* [United State Archive of the Chelyabinsk Region] (OGACHO). F. P-288. Op. 1. D. 442.
43. OGACHO. F. P-288. Op. 1. D. 795.

44. OGACHO. F. 1379. Op. 4. D. 70.
45. *Orenburgskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii* [Orenburg State Archive of Social and Political History] (OGASPI). F. 4. Op. 1. D. 193.
46. OGASPI. F. 371. Op. 1. D. 145.
47. OGASPI. F. 371. Op. 3. D. 392.
48. *Ocherki istorii kommunisticheskikh organizatsii Urala (1921—1973 gg.)* [Essays on the history of the communist organizations of the Urals (1921—1973)]. Vol. 2. Sverdlovsk, Sr.-Ural. kn. izd-vo Publ., 1974. 423 p. (In Russian)
49. Popov M. V. *Kul'tura i byt krest'yan Urala v 1920—1941 godakh: dis. ... d-ra ist. nauk* [Culture and life of the peasants of the Urals in 1920—1941. Dr. Dis.]. Yekaterinburg, 1997. 424 p. (In Russian)
50. *15 let Sovetskoi Bashkirii: sbornik statei* [15 years of Soviet Bashkortostan: a collection of articles]. Ufa, Pravitel'stvo Bashkirskoi ASSR Publ., 1934. 283 p. (In Russian)
51. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii* [Russian State Archive of Social and Political History]. F. 17. Op. 69. D. 668.
52. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv ekonomiki* [Russian State Archive of Economics] (RGAE). F. 7446. Op. 11. D. 6.
53. RGAE. F. 7446. Op. 11. D. 40.
54. RGAE. F. 7446. Op. 11. D. 43.
55. RGAE. F. 7446. Op. 11. D. 96.
56. *Ural'skii rabochii*, 1929. Sept. 7.
57. *Ural'skii rabochii*, 1930. Febr. 16.
58. *Ural'skii rabochii*, 1932. July 2.
59. *Ural'skii rabochii*, 1933. March 5.
60. *Ural'skii rabochii*, 1933. Nov. 7.
61. *Ural'skii rabochii*, 1935. Apr. 11.
62. *Ural'skii rabochii*, 1936. Febr. 2.
63. *Ural'skii rabochii*, 1936. Apr. 5.
64. *Ural'skoe khozyaistvo v tsifrakh, 1931—1932 gg.: (kratkie statisticheskie spravochniki)* [The Ural economy in figures, 1931—1932: (a brief statistical handbook)]. Sverdlovsk, UralUNKhU Publ., 1933. 388 p. (In Russian)
65. Filatov V. V. *Sel'skokhozyaistvennoe proizvodstvo na Urale v kontse 1920-kh — nachale 1940-kh gg.: dis. ... d-ra ist. nauk* [Agricultural production in the Urals in the late 1920's — early 1940's. Dr. Dis.]. Yekaterinburg, 2007. 537 p. (In Russian)
66. Filatov V. V. *Ural'skoe selo, 1927—1941 gg.: dinamika i tempy razvitiya zhivotnovodstva* [Ural village, 1927—1941: dynamics and rates of livestock development]. Magnitogorsk, GOU VPO "MGU" Publ., 2006. 264 p. (In Russian)
67. Filatov V. V. *Ural'skoe selo, 1927—1941 gg.: dinamika i tempy razvitiya zemledeliya* [Ural village, 1927—1941: dynamics and rates of agriculture development]. Magnitogorsk, GOU VPO "MGU" Publ., 2006. 260 p. (In Russian)
68. Filatov V. V. *Formirovanie sistemy upravleniya kolkhozami na Urale (konets 20-kh — 30-e gg.): dis. ... kand. ist. nauk* [Formation of the management system of the collective farms in the Urals (late 20s — 30s). Cand. Dis.]. Yekaterinburg, 1992. 327 p. (In Russian)
69. *Tsentr dokumentatsii obshchestvennykh organizatsii Sverdlovskoi oblasti* [Center for Documentation of Social Organizations of the Sverdlovsk Region] (TsDOOSO). F. 4. Op. 6. D. 275.
70. TsDOOSO. F. 4. Op. 7. D. 24.
71. TsDOOSO. F. 4. Op. 7. D. 213.
72. TsDOOSO. F. 4. Op. 8. D. 31.
73. TsDOOSO. F. 4. Op. 8. D. 367.
74. TsDOOSO. F. 4. Op. 8. D. 503.
75. TsDOOSO. F. 4. Op. 8. D. 561.
76. TsDOOSO. F. 4. Op. 9. D. 908.
77. TsDOOSO. F. 4. Op. 9. D. 953.
78. TsDOOSO. F. 4. Op. 9. D. 954.
79. TsDOOSO. F. 4. Op. 10. D. 225.
80. TsDOOSO. F. 4. Op. 10. D. 970.
81. TsDOOSO. F. 4. Op. 10. D. 972.
82. TsDOOSO. F. 4. Op. 14. D. 43.
83. TsDOOSO. F. 4. Op. 14. D. 222.
84. TsDOOSO. F. 4. Op. 14. D. 476.

85. TsDOOSO. F. 4. Op. 14. D. 975.
86. TsDOOSO. F. 4. Op. 15. D. 45.
87. TsDOOSO. F. 62. Op. 1. D. 347.
88. TsDOOSO. F. 62. Op. 1. D. 607.
89. TsDOOSO. F. 424. Op. 1. D. 1008.
90. *Chelyabinskii rabochii*, 1936, Oct. 27.